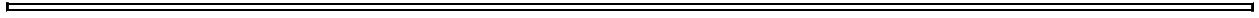

- [Росоховатский Игорь](#)

-

Росоховатский Игорь

Ученик

Игорь Росоховатский
УЧЕНИК

- Уйди, дурак!

- А еще кто?

Послышались два удара. Плач. Крик:

- Знаешь, кто ты?

- Скажи, скажи. Что, забоялась? Скажи, трусиха! Ну, говори! Я на бегу свалил хрустальную вазу, и она красиво зазвенела и затенькала в разных местах комнаты.

- Говори, кто я! Горбун, да? Калека, да?!

Град хлестких ударов сыпался на кого-то.

Я знал не только их силу, но и заряд злобы, знал, чего можно опасаться. Отшвырнув стопку книг и еще что-то, мешающее добраться до двери, ударил в нее плечом, не говоря ни слова, бросился к мальчику. Увидел острый горб и длинные цепкие руки...

Я никак не мог его удержать и стиснул так, что он начал задыхаться. Только тогда драчун ощутил мое присутствие и прохрипел:

- Пустите!..

Я молчал, сжимая его, и мне казалось, что держу звереныша. Стоит на мгновение отпустить - и он опять бросится на жертву. Я не мог оторвать взгляда от окровавленного лица девочки, которую он избил.

- Пусти.

Его тело обмякло, почти повисло в моих руках, и, сделав над собой усилие, я расслабил объятие, повернул его к себе лицом, заглянул в упрямые, сухие, бесцветные глаза.

- Девочку? Ты посмел бить девочку? Девочку, которая в два раза младше тебя?

Я никак не находил нужных слов. Ярость клокотала во мне, искала выход, и я несколько раз крепко встряхнул его, прежде чем овладел собой. Он стоял полузадохшийся, обессиленный, но не укрощенный.

- Пусть не дразнится. А то покажу... какой я... калека... Я не объяснял ему, что девочка не называла его ни горбуном, ни калекой, что он все придумал, что сам назвал себя. Любые объяснения были бесполезны - в

этом я уже не раз убеждался. Его перевели в мою группу, доверили мне, как самому выдержанному из воспитателей, и всего за каких-нибудь три месяца он "перевоспитал" меня и превратил в неврастеника.

Сначала я еще держался, говорил себе: он не виноват, он калека, его замучили на операциях в клиниках, пытаюсь исправить легкие, сердце, позвоночник, железы... Он родился параликом - последнее звено в цепи деда-алкоголика и слабоумного отца, давшего ему словно в насмешку имя библейского красавца - Иосиф. Его вырвали из оков паралича, есть надежда, что удастся в будущем еще несколькими операциями исправить горб. Но как исправить его тупость? Его дикую злобу и к взрослым и к детям? Я пробовал вовлечь его в свой кружок рисования и лепки, но даже безмолвные изображения людей вызывали у него припадки ярости, и он в мое отсутствие нарочно портил холсты, разбивал гипсовые фигурки. Только животные не пробуждали у него злости. Заметив это, я поручил ему ухаживать за кроликами, но одного из них он сразу же изжарил на костре. На мои нравоучения ответил, уставясь в землю и облизываясь: "Вкусно".

И даже после этого я все еще на что-то надеялся: так велика была моя самоуверенность. Я не хотел сдаваться, признаться себе, что тут нужны нечеловеческие нервы и терпение. Хотя бы для того, чтобы к длинному списку его жертв не присоединился еще и сведенный с ума воспитатель.

- Пошли! - крикнул я, волоча его за руку. Я втащил Иосифа в кабинет директора. Выражение моего лица было достаточно красноречивым, и директор опустил голову.

- В специнт! - рявкнул я. - Умываю руки!

- Да, да, хорошо, дорогой, только успокойтесь, - директор подвинул мне стакан воды, и я его выпил залпом.

Воспитанник, смотревший на нас с откровенным любопытством, несколько приуныл. И его лицо, которое оживляла лишь злость, стало тупым и жалким.

В эту ночь мне было не до сна. Унижение, досада, сомнения не давали покоя. Подушка становилась горячей, и я переворачивал ее. В конце концов, я начал видеть в темноте и обнаружил, что авторучка, которую безуспешно искал в течение трех дней, завалилась под кресло и блестела там, как таинственное око.

Я понял, что никакие усилия не помогут мне уснуть и, набросив халат, резко щелкнув выключателем, пошел в свою мастерскую. Гипсовые слепки подозрительно уставились на меня пустыми глазницами, разноцветные лица смотрели с холстов. Здесь были сотни набросков, сотни лиц и выражений, схваченные на бумаге, на холсте, вылепленные в глине,

пластмассе, вырезанные в камне. Так я пробовал создать тот единственный облик учителя, на который детям достаточно было бы взглянуть, чтобы поверить ему.

Но у меня он получался или уродливым или слишком красивым, что, по сути, не так уж далеко одно от другого. Иногда мне казалось, что наконец-то кусочек чуда свершился: этот нос на рисунке - его нос, этот лоб - его лоб. Но как только я соединял их в портрете, мои надежды рушились. Я говорил себе: не будь ослом, ты поставил перед собой задачу, посильную лишь для большого мастера - Не помогало. Тогда я начинал хитрить:

бедняга, как ты не понимаешь, задача вообще невыполнима, такого облика не может быть. Но так как я хитрил с самим собой, то тут же отвечал: он ведь возникает в моем воображении. Почему же я не смогу перемести его я материал?

Я смотрел последний набросок, еще вчера казавшийся почти удачным: часть лица, губы и подбородок... Но сегодня я не мог не спросить себя: а Иосиф поверил бы этим губам?..

Рассвет пришел как избавление. Одеваясь, я твердо сказал себе, что вчера поступил правильно, что в конце концов не мог поступить иначе, что ни один человек не вынесет Иосифа. Но идя по узкой дорожке через сад к зданию канцелярии, я все-таки жалел гнусного мальчишку. Я знал, что в специнте Иосифу будет неплохо. Просто он ни над кем не сможет издеваться. Там не бывает непослушных детей, вернее они становятся послушными. Иосиф попадет к воспитателю, которого уже не сможет вывести из себя. Против него будут нечеловеческие нервы и нечеловеческое терпение. Ведь его воспитателем будет существо с восемью или десятью сигнальными системами, с органами Высшего Контроля. Я никогда не принадлежал к тем, кто ненавидел или боялся сигомов, этих сверхлюдей, созданных в лаборатории. Я видел их, и не только по телевизору, великанов и гениев с "прекрасными, волевыми, выразительными лицами героев", как писали газеты. Слишком прекрасными, слишком волевыми, слишком выразительными!

Для них трудилась вся планета, все мы: физиологи и химики, генетики и врачи, математики и инженеры, лучшие художники и скульпторы, создававшие формы носа, губ, скул, надбровий, лбов, плеч... Природа никогда так не старалась для нас. Что же, все правильно. Пусть сигомы теперь поблагодарят своих создателей, пусть потрудятся для нас. Они могут осваивать и колонизировать другие планеты, звездные системы, обогащать наши знания, пересылать на Землю сырье и энергию. Они могут даже лечить нас и оперировать - их колоссальная память, быстрота

мышления и реакций, точные могучие руки позволят сделать это как нельзя лучше.

Но доверить им воспитание наших детей? И каких - самых трудных, легкоранимых, калек?.. Да, сигом может, как и всякий человек, прочесть "Слепого музыканта". Он может ужаснуться страданиям несчастного Квазимодо. Но он прочтет, ужаснется, посочувствует и забудет.. Чужая рана останется чужой раной, чужая боль - чужой болью. Так бывает даже с обычными смертными, которые могут легко представить себя на месте калеки. А сигом? Существо, которое безболезненно достраивает и перестраивает свой организм? Ведь это качество - главное, что дали сигомам мы в отличие от матери-природы, которая не дала этого нам. И оно же не позволит им ощутить всю глубину человеческой безысходности...

Иосиф и директор уже ждали меня, но не на посадочной площадке, а в кабинете. Я старался не замечать глаз директора, которые спрашивали: "Неужели мы сами не справимся с ним?" Директор испытующе проворковал:

- Ну что ж, дорогой, если вы решили окончательно... - Окончательно, сказал я, словно перерубил канат. Он нажал кнопку вызова гравиплана... Мы прошли на посадочную площадку. Иосиф всхлипывал и что-то жалобно бормотал. Но как только он понял, что ходу назад нет, бормотание перестало быть жалобным. Я различил его любимое словечко "гады".

Через полтора часа, оставив позади почти семь тысяч километров, мы приземлились на территории специального интерната для трудновоспитуемых детей. Нас встретили два мальчика, вопреки моему ожиданию два совершенно обычных мальчика, не слишком вышколенных и не слишком вежливых.

- Учитель сейчас на первой спортплощадке, - сказал один из них и кивнул на второго. - Он проводит вас.

- Меня зовут Родькой, - коротко представился провожатый и сразу же повел нас по тропинке на холм, густо поросший кустарником. Эскалатора здесь не было, и, пройдя с полкилометра, Иосиф сел на траву и сказал, что больше пешком не пойдет. Он, дескать, не верблюды. Я шагнул к нему, но меня опередил наш провожатый. Он наклонился и зашептал на ухо Иосифу:

- Брось. Здесь чего только не выделявали... По секрету говорю, не бузи. Сначала присмотрись, что к чему...

Нельзя сказать, чтобы с большой охотой, однако Иосиф встал и поплелся, стараясь держаться поближе к Родьке и подальше от меня. Но поскольку провожатый шагал размашисто, Иосифу пришлось тоже

ускорить шаг. Не сразу я заметил, что Родька слегка хромот.

Кустарники закончились, начался лес. Над нашими головами пели птицы так заливисто, как никогда не поют они в городах, Невольно мы прислушивались к ним, даже Иосиф.

На опушке нам повстречался высокий мужчина, очевидно, лесник. На плече он нес топор и связку кольев.

- Здравствуйте, - поздоровался с ним Родька.

- Новенький? - кивнул лесник на Иосифа. Родька весело подмигнул, и вслед нам прозвучало:

- Ни пуха, ни пера!

Лес как-то незаметно перешел в парк. Все больше и больше дорожек, скамеек, площадки для игр, бассейны... На каналах встали радугами перекидные мостики.

Мы остановились на берегу канала. Напротив на спортплощадке играли в баскетбол ребята.

- А вот и учитель, - сказал Родька.

Стройный гигант в спортивном костюме легко перепрыгнул через канал и направился к нам. От удивления я отступил на шаг. Дело было не в том, что канал достигал в ширину не менее восьми метров - для любого сигама это был пустяк, но мне показалось... да, показалось, что я узнал гиганта, что видел его не раз, и его гибкую фигуру, и походку, что мне знакомо каждое движение... Банальные слова разом хлынули в мою бедную голову: "это прекрасно", "поразительно", "чудесно"...

Я увидел его лицо, где даже вырез ноздрей убедил бы самого гордого скульптора, что тот попросту бездарен, и понял тщетность своих попыток создать облик учителя. Этого бы не смог, пожалуй, ни один из художников Земли. Кто же все-таки создал его?

Ведь именно он - учитель, созданный моим воображением, стоял перед нами, и Иосиф, не отрывая от него глаз, вдруг робко спросил:

- А я когда-нибудь смогу так прыгнуть?

- Сможешь, - сказал учитель, и противный мальчишка сразу же поверил ему.

Мне тут больше нечего было делать... Не хочу врать, мне стало невесело. В моем лице был унижен не только художник, не только воспитатель...

Я повернулся, что-то буркнул на прощание и пошел обратно. А в голове, как путеводный луч, мерцал вопрос: кто же все-таки создал его? Кто создал этот облик? Лишь один человек мог бы мне ответить...

- Уже справились... Я поднял взгляд. Передо мной стоял лесник. Он

заметил, что я расстроен, мягко проговорил: - Не волнуйтесь, все будет в порядке. Вы его отец? - Учитель, - ответил я, и улыбка сползла с его лица. Ничего не поделаешь, - проговорил он с некоторым вызовом. - И разве плохо, что человек может стать сильнее природы? "Это не лесник", - подумал я и спросил: - Кто вы? - Моя фамилия Штаден. - Тот самый? Он пожал плечами: Да. "Философ и математик Борис Штаден, один из создателей сигомов, знаменитый, прославленный и т. д. Но что он здесь делает? Может быть... Неужели?... А почему бы нет?... Конечно, так ведь и должно быть!" Я спросил: Учитель - ваше создание? - Верно, - с плохо скрытой гордостью ответил он. Я не хотел рассказывать Штадену о всех моих мучениях, безуспешных попытках. Я решил обойтись без предисловий:

- Видите ли, у меня есть один вопрос. Если не хотите, если это секрет, не отвечайте... Кто был художником и скульптором, кто создавал его облик?

Он замялся;

- Собственно, этот сигом создавался не так, как другие. Ведь он и предназначался для необычной цели. Я начал с посещения разных школ для детей-калек. Долго выяснял, какое самое заветное желание у слепого ребенка, и узнал, что он хотел бы стать художником и рисовать говорящий лес. "Рассказывают, что он зеленый, - сказал мальчик, - а я знаю только, как он разговаривает. Я бы нарисовал его говорящим и зеленым". Хромой мечтал выступать в балете, глухой - писать музыку и услышать голос матери. Горбун хотел иметь фигуру гимнаста... Я спрашивал у паралитиков, у разных уродов... У каждого была своя мечта...

- Понимаю! - вырвалось у меня. - И вы создали его по детским мечтам!

Я смотрел на Штадена с восхищением, а он отвел глаза, отрицательно покачал головой:

- Это было бы слишком просто. Вы забыли о главном - сигом должен до конца понимать этих ребят...

Штаден помолчал, вспоминая что-то, вздохнул:

- Я создал его хромым, слепым, горбатым... Я дал ему только мощный разум и детские желания как первую программу. И он сам создал себя...